

Спустя несколько месяцев.

Чэнь Ибай мучился головной болью. Сильнейшей головной болью.

С тех пор как Лин Цзю ступил в долину, в Долине Ста Ядов начались бедствия. А всё потому, что Лин Цзю оказался на редкость прожорлив.

Чэнь Ибай равнодушно захлопнул медицинский трактат, хотя в душе невольно вздохнул.

— Наш сегодняшний ужин готов.

Лин Цзю толкнул дверь и вошел, помахивая связкой рыбы, нанизанной на веревку.

Чэнь Ибай почувствовал, как у него на лбу вздулась вена.

Этот тип, Лин Цзю!

За эти несколько месяцев Лин Цзю в одиночку чуть не сожрал всю Долину Ста Ядов!

Чэнь Ибай приложил немало усилий, чтобы побороть импульс швырнуть книгу в голову Лин Цзю. Он встал и направился к нему, пройдя мимо, едва не задев плечом.

— Как съешь — приступишь к испытанию лекарств.

В голосе Чэнь Ибая сквозило лишь бессилие перед этим обжорой, но до ушей Лин Цзю эти слова долетели иначе.

Шэнь Мочи всегда говорил с таким раздражением. Лин Цзю никогда не видел собственного отражения в ледяных, подобных замерзшему озеру глазах Шэнь Мочи.

Это была лишь пустая отговорка. Что бы ни случилось с Лин Цзю, для Шэнь Мочи он оставался существом, без которого вполне можно обойтись.

Когда Чэнь Ибай ушел, Лин Цзю стиснул зубы и, молча, до побелевших костяшек сжал веревку с рыбой.

Проклятье, почему Шэнь Мочи до сих пор так холоден к нему?

Помимо испытания лекарств и их варки, Шэнь Мочи ни разу не взглянул на него по-человечески.

Так было с самого начала: Шэнь Мочи был обречен оставаться холодным и бесчувственным.

Лин Цзю никогда, даже в смерти, не забудет ту ночь в Пещере Насекомых. Шэнь Мочи, стоявший там, словно окутанный лунным светом, холодный и возвышенный, как божество, смотрел на него — грязного и жалкого — с таким пренебрежением, будто он был лишь сорной травой.

Тогда он думал, что умрет от рук этого хладнокровного чудовища...

Но он не погиб в пещере и не умер от рук Шэнь Мочи.

Он всегда считал Шэнь Мочи бессмертным, лишенным страстей, но ошибался. Позже он понял, что Шэнь Мочи проявляет чувства только к тому, что ему дорого.

А к нему... к нему он не чувствовал ничего.

Лин Цзю крепко сжал челюсти, в глубине его глаз закипала густая тьма. Он вспомнил слова мужчины:

— Войдя в Долину Ста Ядов, не смей выходить наружу без моего позволения.

Долина Ста Ядов была местом уединения Шэнь Мочи, а Хижина Лекарственных Трав в самом её сердце — делом всей его жизни.

Однажды Лин Цзю случайно загнул уголок медицинского трактата, и в ответ получил лишь ледяной взгляд и серебряную иглу, вонзившуюся в руку, отчего та онемела на полдня.

К тому же Шэнь Мочи был помешан на чистоте. Настолько, что его одежды всегда оставались безупречно белыми, а руки почти никогда не пачкались даже при приготовлении самых сложных составов.

Помимо вечного холода и отстраненности, он иногда обучал Лин Цзю врачеванию. Казалось бы, это хорошо, но на деле Шэнь Мочи никогда не держал его в сердце. Его никогда не удостаивали внимательного, доброго взгляда.

Кем он вообще был для Шэнь Мочи?

Подопытным? Но ведь тот учил его медицине.

Для Шэнь Мочи его присутствие было лишним. В долине не было других людей, и помимо изучения книг, больше всего на свете Лин Цзю хотел лишь стать ближе к Шэнь Мочи. Но тот оставался ледяной статуей, и они почти не разговаривали.

Лишь однажды он понял, что Шэнь Мочи вовсе не такой холодный и бессердечный, как он воображал.

Воспоминания.

— Зачем ты спас меня?

— ...

Лин Цзю бросил этот вопрос, как только Чэнь Ибай пришел в себя.

Тот лишь холодно взглянул на него, слегка нахмурившись. Он поднялся и направился вглубь долины. Если Лин Цзю хотел остаться, он обязан был пройти через Пещеру Насекомых.

Страдания от Терзания сердца десятью тысячами ядов были судьбой, от которой Лин Цзю не

мог убежать.

— Иди за мной.

Лин Цзю, полностью доверившись, последовал за мужчиной, чьи длинные волосы скрывались под полами халата, и не удержался:

— Как тебя зовут? Кто ты?

— Шэнь Мочи.

— А меня зовут Лин Цзю...

Мужчина больше не ответил. Его не интересовали подобные пустяки, он лишь продолжал вести Лин Цзю сквозь джунгли, выводя их из зоны ядовитых испарений.

Как только Лин Цзю вышел из тумана, перед ним открылась долина — словно новый мир, полный зеленых гор, деревьев, извилистых рек и высоких водопадов. На возвышенности у ручья стояла большая бамбуковая хижина, которая, если не приглядываться, казалась частью этого зеленого пейзажа.

— Ого, как красиво... Это место, где ты живешь, Шэнь Мочи?

Мужчина не ответил. Он не остановился, пока не дошел до высокого выступа у края долины. Обернувшись, он посмотрел на Лин Цзю с абсолютным безразличием.

Но Лин Цзю от одного этого взгляда едва не перестал дышать.

Мужчина... на вид — обычное правильное лицо, но почему он кажется ему таким невероятно прекрасным?

— Ты спрашиваешь, почему я тебя спас? Я вовсе не собирался тебя спасать.

Лин Цзю, завороченный, невольно кивнул. Холодный, спокойный голос мужчины напомнил ему журчание ручья, только что освободившегося от зимнего льда — звонкий, с ноткой пронизывающей прохлады.

— Ты хотел покинуть Долину Ста Ядов, я не мог позволить тебе уйти живым. Если хочешь остаться — должен пройти испытание. Если умрешь — я не несу ответственности.

Лин Цзю начал сомневаться, не притворяется ли мужчина, но вскоре понял: Шэнь Мочи не лицемерил, он говорил чистую правду.

Шэнь Мочи остановился и резким движением толкнул его вниз.

— Ты!

Не успев опомниться, он рухнул в пещеру. Под ним что-то шевелилось, руки вязли в копошащихся ядовитых насекомых, целая маленькая долина была заполнена ими — зрелище, от которого кровь стыла в жилах!

— А-а! Что это?!

Лин Цзю видел вокруг себя скорпионов, сороконожек, змей...

Нет! Не кусайте меня!

Когда он из последних сил попытался выбраться наверх, Шэнь Мочи пинком сбросил его обратно.

— Если хочешь остаться в долине, должен провести в Пещере Насекомых три дня.

Лин Цзю смотрел на мужчину сверху, и от его ледяных слов глаза Лин Цзю налились кровью.

— Шэнь Мочи! Ты хочешь меня погубить! Ты хочешь, чтобы я умер!

Серебряная игла в руках Шэнь Мочи запечатала несколько точек на теле Лин Цзю, лишив его сил. Он рухнул на колени, беспомощно наблюдая, как потревоженные ядовитые твари облепляют его со всех сторон.

— Я не хочу тебя губить, но и спасать не стану.

Шэнь Мочи больше не взглянул на него.

Лин Цзю лежал в этой пещере, терзаемый тысячами укусов...

Он не простит Шэнь Мочи, он не умрет!

Так он думал тогда, когда его тело пожирали ядовитые твари...

Когда боль становилась невыносимой...

Он ненавидел Шэнь Мочи, ненавидел всей душой! В тот момент он был уверен, что эта ненависть останется с ним навсегда.

Но когда он перестал чувствовать укусы, он начал жутко улыбаться, играя в руках с ядовитым скорпионом. Он тихо усмехнулся и съел его, чтобы утолить голод.

Через два дня после того, как его искусили пять видов ядов, он понял: метод борьбы с ядом при помощи яда сработал. Токсичность в его крови начала ослабевать. Постепенно он сам стал

ловить насекомых и позволять им кусать себя.

Результат превзошел ожидания. Он небрежно схватил сороконожку, позволил ей укусить себя, а затем раздавил её в ладони. Теперь он не боялся даже пяти главных ядов.

— Шэнь Мочи, твоя клятва в три дня истекла.

Мужчина появился в лунном свете, равнодушно глядя на него, а затем шаг за шагом спустился в пещеру, ступая прямо по сердцу Лин Цзю, которое едва не остановилось.

— Твое тело теперь невосприимчиво к сотне ядов. Отныне ты можешь свободно входить в долину и выходить из неё. Однако без моего приказа не смей покидать пределы Долины Ста Ядов по своей воле.

Насекомые, боясь его крови, быстро расплзались. Шэнь Мочи вложил в рот Лин Цзю пилюлю, чтобы нейтрализовать остатки яда в организме.

— ...

Лин Цзю был в полном замешательстве.

Так вот зачем Шэнь Мочи толкнул его в пещеру? Только ради того, чтобы сделать его невосприимчивым к ядам?

Он вспомнил слова мужчины: Шэнь Мочи не хотел его губить, но и спасти не собирался.

Шэнь Мочи никогда не лгал, даже если почти никогда ничего ему не говорил.

Позже он остался в Долине Ста Ядов. Каждый день он испытывал лекарства, собирал травы и ловил ядовитых насекомых.

Он знал, что Шэнь Мочи привык к одиночеству. Его собственное присутствие было подобно капле воды, упавшей в пруд: она вызвала легкую рябь, но на самом деле никак не меняла жизнь Шэнь Мочи.

Когда он внезапно оказывался рядом, Шэнь Мочи бросал на него короткий взгляд и тут же отстранялся. Это приводило к тому, что слова, которые Лин Цзю хотел сказать, чтобы сблизиться — слова заботы или простого желания поделиться чем-то — застревали в горле, когда он видел удаляющуюся спину Шэнь Мочи.

Это причиняло ему боль.

Он также тайком читал медицинские книги. Шэнь Мочи всегда знал об этом, но не запрещал, а иногда даже подбрасывал ему новые тома. Лин Цзю понимал: только совершенствуясь в медицине, он сможет привлечь внимание Шэнь Мочи. Только так ледяной взгляд, прикованный к книгам, мог хоть на миг задержаться на нем. Только тогда он мог почувствовать, что Шэнь Мочи стоит за его спиной, наблюдая за тем, как он смешивает ингредиенты.

В такие моменты взгляд Шэнь Мочи действительно останавливался на нем — пусть даже на мгновение.

Но это ощущение собственной значимости было таким призрачным.

Однажды ночью Шэнь Мочи стоял у границы ядовитых испарений. Подобно бессмертному, далекому от мирской суеты, он тихо смотрел на огни далекого человеческого жилья, и в этой тишине сквозило странное одиночество.

Шэнь Мочи никогда не покидал долину. Он приближался к границе тумана только ради того, чтобы поймать редких ядовитых насекомых для своих лекарств.

Тогда Лин Цзю понял, что Шэнь Мочи чего-то ждет. Этот великий лекарь, не смеющий выйти из долины, однажды обязательно переступит её порог и явит миру свое непревзойденное величие.

И весь мир падет к его ногам.

Внезапно у Лин Цзю возникло дикое желание спрятать Шэнь Мочи от всех.

— Малыш, как думаешь, когда я смогу выйти отсюда?

Шэнь Мочи погладил себя по шее, опустив голову, и произнес это тихо, почти нежно, словно спрашивая совета.

Лин Цзю застыл. Магнетический голос Шэнь Мочи, подобный звону ледяного ключа, разнесся в пустой ночи, заставляя прислушиваться, чтобы уловить хоть звук.

Он не знал, почему Шэнь Мочи живет в такой глуши, но впервые услышал в его голосе мягкие нотки. Его холодные брови слегка разгладились, и, хотя он оставался отстраненным, в нем появилось нечто благородное и недостижимое.

Словно ледяной белый лотос на заснеженной скале — прекрасный, но доступный лишь для созерцания издалека.

Лин Цзю вздрогнул и поспешно отвел полный жадного обожания взгляд. Шэнь Мочи... он назвал его малышом?

С неопишуемым чувством он застывало смотрел на мужчину в лунном свете. Но когда Шэнь Мочи обернулся и посмотрел на него, в его ледяных глазах читалось лишь искреннее удивление.

Лин Цзю понял: малыш — это был не он.

В этом человеке не было нежности, и даже если бы она существовала, она никогда не предназначалась ему.

Это осознание повергло его в замешательство, с которым он был совершенно не в силах справиться.

<http://bllate.org/book/22134/2306246>